ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
(amicus curiae)
по вопросу о влиянии санкционных ограничений на «переквалификацию» иска из договорного в деликтный

Александра Владимировича Гребельского
к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права
им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России

25 февраля 2026 г.

I. Сведения об эксперте, подготовившем настоящее правовое заключение

1. Я, Александр Владимирович Гребельский, являюсь кандидатом юридических наук, доцентом кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России.

2. Начиная с 2012 г. я провожу лекционные и практические занятия на Международно-правовом факультете МГИМО МИД России по следующим курсам: (1) Актуальные проблемы международного частного права; (2) Гражданское и торговое право зарубежных стран; (3) Международный коммерческий арбитраж (совместно с председателем МКАС при ТПП РФ проф. А.А. Костиным); (4) Международный инвестиционный арбитраж; (5) Актуальные вопросы английского договорного права; (6) Практикум по конкурсу по международному коммерческому арбитражу им. В. Виса. Я также являюсь сопредседателем Дискуссионного общества английского права (совместно с Н.А. Бабаджаняном).

3. Я являюсь автором ряда научных статей по вопросам сравнительного частного права, международного частного права и международного коммерческого арбитража (мое исследование на тему «Доказательства в международном коммерческом арбитраже» было удостоено премии как лучшая работа 2017–2018 гг. в области международного коммерческого арбитража и третейского разбирательства).

4. Кроме того, я являюсь Председателем Коллегии по международным спорам Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, арбитром МКАС при ТПП РФ, арбитром ряда зарубежных арбитражных учреждений, директором Информационного центра Гаагской конференции по международному частному праву в Москве, Заместителем председателя Комиссии по третейскому разбирательству при Ассоциации юристов России, Председателем комиссии по развитию арбитража и иных альтернативных способов разрешения и урегулирования споров при Московском региональном отделении Ассоциации юристов России, членом Российского отделения Ассоциации международного права и ряда иностранных объединений и ассоциаций.

5. В прошлом я являлся членом Экспертного совета Комитета по бюджету и налогам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (по вопросам, связанным с таможенным законодательством), привлекался государственными органами для дачи заключений по различным вопросам в области иностранного права и международного частного права, в том числе Министерством

финансов Российской Федерации (для подготовки заключения по вопросу ведения судебного разбирательства между Российской Федерацией и иностранным суверенным государством в Высоких судах Англии и Уэльса на сумму свыше 3 млрд. долларов США), Министерством юстиции Российской Федерации для подготовки рекомендаций по реализации Программы «Юстиция» (в сфере регулирования деятельности иностранных юридических фирм в России).

6. С января 2025 года я вхожу в рабочую группу по разработке Национальной модели целевых условий ведения бизнеса «Разрешение споров», созданной Правительством Российской Федерации совместно с Агентством стратегических инициатив.

7. На протяжении нескольких лет я выступаю в качестве арбитра, избранного стороной, назначенного бокового арбитра, единоличного арбитра и председателя состава в спорах, рассматриваемых по регламентам ведущих российских и зарубежных арбитражных центров.

8. Решение, принятое мною в качестве арбитра Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, по спору, где в качестве применимого сторонами было выбрано английское право, является одним из немногих решений российских третейских судов, признанных и приведенных в исполнение на территории Великобритании (Приказ Высокого суда, вынесенный в лице достопочтенной судьи Кокерилл (the Honourable Mrs Justice Cockerill DBE) от 25 апреля 2022 г.).

II. Основания подготовки заключения и подтверждение отсутствия конфликта интересов

9. В последние годы в России стала складываться правоприменительная практика, основанная на весьма широком применении статьи 1193 Гражданского кодекса РФ (оговорка о публичном порядке) и положений российского права, регламентирующих привлечение к деликтной ответственности.

10. В соответствии со складывающейся практикой судов, в случае если основанием для предъявления иска послужило неисполнение или ненадлежащее исполнение контрагентом обязательств по договору, вызванное ограничительными мерами иностранных государств, соответствующий иск квалифицируется как деликтный, а не как договорный.

11. Прямым следствием подобной юридической квалификации является отказ российский судов от учета положений договора (нарушение которого стало поводом

для разбирательства), включая ранее согласованное сторонами применимое право, а также различные положения, ограничивающие ответственность сторон договора.

12. Насколько позволяют определить опубликованные судебные акты, российские суды придерживаются деликтной квалификации исков с целью обойти оговорки о применимом иностранном праве и тем самым не допустить и применения иностранных ограничительных мер.

13. Между тем указанная цель, как представляется, с позиций российского права может и должна достигаться более пропорциональными и соразмерными способами.

14. Насколько мне известно из сведений, находящихся в публичном доступе, к рассматриваемой судебной практике относятся и разбирательства в отношении иностранной компании OWH SE i.l.

15. Как мне стало известно из публикаций в СМИ, данная компания обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой на неконституционность статей 327, 1186, 1193, 1219 ГК РФ в той части, в которой данные нормы, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют обойти положения договора о применимом праве путем квалификации иска как деликтного.

16. В связи указанными обстоятельствами, когда Сергей Леонидович Савельев (партнер юридической фирмы «Савельев, Батанов и Партнеры») обратился ко мне с предложением подготовить правовое заключение в целях содействия Конституционному Суду РФ, я согласился, и в результате мною было подготовлено настоящее заключение (amicus curiae).

17. Во избежание любых сомнений, я не оспариваю компетенцию Конституционного Суда РФ и, представляя настоящее заключение, имею целью лишь оказать посильное содействие в разрешении сложных правовых вопросов, поставленных перед Судьями Конституционного Суда РФ в настоящем деле.

18. Настоящим я подтверждаю, что данное заключение отражает мою независимую экспертную позицию по поставленному вопросу (см. **п. 19**). Я не являюсь представителем какой-либо из сторон настоящего дела, включая компанию OWH SE i.l. Равным образом я не получал от каких-либо лиц указаний или инструкций, которые обязывали бы меня изложить ту или иную позицию по поставленному вопросу.

III. Поставленный вопрос

19. Влияет ли вмешательство иностранных ограничительных мер в договорные отношения сторон, вследствие которого обязательства по договору не исполнены одной из сторон, на правовую квалификацию иска потерпевшей стороны к не исполнившей обязательства стороне, допустима ли квалификация подобного иска как деликтного?

IV. Краткие выводы по поставленному вопросу

20. Российское право строго разграничивает правовое регулирование договорной и деликтной ответственности, предусматривая четко очерченные сферы применения для каждого из видов ответственности, что препятствует рассмотрению их как функциональных аналогов.

21. В рамках разграничения деликтной и договорной ответственности общей позицией является вывод, что иск из договорных отношений к контрагенту носит договорный характер, что исключает деликтную квалификацию.

22. Случаи, когда неисполнение обязательства было вызвано иностранными ограничительными мерами, сущностно не отличаются от иных примеров, когда некие внешние факторы воспрепятствовали исполнению обязательств контрагентом.

23. В этой связи нет никаких оснований для того, чтобы отходить от общего правила и рассматривать иск к не исполнившему договор контрагенту как деликтный, а не как договорный. В противном случае нарушается принцип равенства и подрываются разумные ожидания участников гражданского оборота.

24. Любые ограничения свободы договора должны отвечать требованиям пропорциональности и соразмерности. Цель не допустить применения иностранных ограничительных мер может быть достигнута за счет менее интенсивного средства, а именно: отказа в применении непосредственно самих ограничительных мер.

25. Сплошной и неизбирательный отказ от применения условий договора (за счет деликтной квалификации иска) не соответствует требованиям пропорциональности и соразмерности.

V. Подробное изложение выводов по поставленному вопросу

Влияет ли вмешательство иностранных ограничительных мер в договорные отношения сторон, вследствие которого обязательства по договору не исполнены одной из сторон, на правовую квалификацию иска потерпевшей стороны к не исполнившей обязательства стороне, допустима ли квалификация подобного иска как деликтного?

Общий вопрос о различиях деликтного и договорного исков:

26. Прежде всего, с точки зрения российского права, существенно различается режим договорной и деликтной ответственности, что исключает возможность рассматривать их в качестве функциональных аналогов.

27. Договорная и деликтная ответственность представляют собой два самостоятельных вида гражданско-правовой ответственности, различающихся по ряду фундаментальных признаков. Эти различия имеют критическое значение для правовой квалификации требований и определения применимого правового режима[1].

28. Договорная ответственность наступает вследствие нарушения существующего между сторонами договорного обязательства (статья 393 ГК РФ). Деликтная ответственность возникает из факта причинения вреда личности или имуществу, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязанностей (статья 1064 ГК РФ).

29. При договорной ответственности нарушается конкретная обязанность, вытекающая из договора или закона, регулирующего данный вид договорных отношений. При деликтной ответственности нарушается общая обязанность не причинять вред другим лицам – абсолютная обязанность, возложенная на всех участников гражданского оборота.

30. В рамках договорной ответственности противоправность понимается несколько шире, поскольку противоправным будет нарушение не только норм права, но и соответствующего соглашения сторон. При деликтной ответственности противоправность поведения подразумевает причинение вреда в отсутствие соответствующих правовых оснований.

---

[1] Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права, 2021, №№ 4, 5, 6; 2022, № 1. СПС «КонсультантПлюс».

31. Деликтная ответственность всегда выражается в форме возмещения вреда. Договорная ответственность отличается большим разнообразием форм и допускает не только возмещение убытков, но и применение штрафных санкций (неустоек, пеней), что невозможно в деликтной сфере.

32. Соответственно, российское право исходит из строгой дифференциации правого режима деликтного и договорного притязаний. Произвольный отход от договорной квалификации к деликтной не может рассматриваться как формальность, не имеющая правового значения для правильного рассмотрения спора.

Подход российского права к разрешению конкуренции между договорным и деликтным иском:

33. В силу статей 9 и 12 ГК РФ выбор способа защиты права принадлежит истцу. Однако эта свобода выбора не является безграничной и должна учитывать существо правоотношений, существующих между потерпевшей стороной и нарушителем.

34. Российское гражданское право исходит из принципа приоритета договорного иска перед деликтным в отношениях между контрагентами. Этот принцип, известный в сравнительном правоведении как доктрина non-cumul des responsabilités, означает, что наличие договорных отношений между сторонами исключает возможность квалификации неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства как гражданского правонарушения (деликта) в смысле главы 59 ГК РФ[2].

35. Обоснование этого подхода коренится в природе договорного обязательства. Обязанность контрагента исполнить обязательство возникает не из общего запрета причинять вред иным лицам, а из конкретного волеизъявления сторон, закрепленного в договоре. Соответственно, нарушение такого обязательства подпадает под действие специальных норм об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение (статьи 393, 401 ГК РФ), а не под режим генеральной деликтной ответственности, предусмотренной статьей 1064 ГК РФ. Специальные нормы имеют приоритет перед общими, что обеспечивает системность гражданско-правового регулирования и предсказуемость последствий нарушения договорных обязательств.

---

[2] Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. Статут, 2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности. С. 70; Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 865.

36. Статья 307.1 ГК РФ, введенная в результате реформы гражданского законодательства, устанавливает иерархию применения общих положений об обязательствах к различным видам обязательств. К договорным обязательствам общие положения применяются с приоритетом специальных правил о договорах (пункт 1 статьи 307.1). К обязательствам вследствие причинения вреда общие положения применяются, если иное не предусмотрено правилами главы 59 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений (пункт 2 статьи 307.1).

37. Эта норма отражает фундаментальный принцип разграничения сфер действия договорной и деликтной ответственности, подчеркивая их различную природу и самостоятельность.

38. Фундаментальное значение для разграничения договорной и деликтной ответственности имеет Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13[3], которое сформулировало общее правило, определяющее границы применения каждого вида ответственности.

39. Президиум ВАС РФ установил: «*В случае если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами*».

40. Это правило означает, что при наличии договорных отношений между сторонами и возникновении вреда вследствие нарушения договора применяется исключительно режим договорной ответственности.

41. Вместе с тем Президиум ВАС РФ сделал важную оговорку: даже при отсутствии договора между сторонами фактические действия ответчика, повлекшие причинение вреда имуществу истца, являются основанием для возмещения вреда. Это означает, что деликтная ответственность может применяться и в случаях, когда формально между сторонами существуют какие-то правоотношения, но причинение вреда не связано с исполнением договорных обязательств.

42. Таким образом, российское право придерживается подхода, в рамках которого иск, основанный на неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств, должен

---

[3] Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13 по делу № А40-112862/11-69-982 // Вестник ВАС РФ, 2014, № 1.

квалифицироваться как договорный, что исключает возможность деликтной квалификации.

Влияние ограничительных мер на правовую квалификацию иска:

43. Как было отмечено выше, российское право, во-первых, строго разграничивает институты договорной и деликтной ответственности, во-вторых, отводит каждому из видов ответственности свою область.

44. С учетом этого далее уместно задаться вопросом: а влияет ли на квалификацию иска тот факт, что обязательства по договору не были исполнены контрагентом ввиду иностранных ограничительных мер?

45. Перед тем как ответить на него, представляется уместным задать несколько других вопросов, которые являются более привычными для российского права в целом и судебной практики в частности.

46. Квалифицируется ли иск в качестве деликтного в том случае, если обязательство не исполнено из-за отсутствия у контрагента денег / обещанного товара и т.д.? А если обязательство не исполнено из-за того, что контрагенты контрагента отказались продавать ему товары, которые обещаны кредитору? А если обязательство не исполнено по той причине, что погибла индивидуально-определенная вещь, которая не может быть заменена? А если обязательство не исполнено из-за каких-либо обстоятельств, имеющих признаки непреодолимой силы (например, стихийные бедствия)?

47. Список вопросов можно продолжать и дальше, но с точки зрения российского права абсолютно очевидно, что во всех обрисованных случаях иск кредитора к не исполнившему обязательство контрагенту будет договорным, вне зависимости от того, какие обстоятельства послужили причиной неисполнения.

48. Почему же пример с вмешательством иностранных ограничительных мер должен выделяться на общем фоне и приводить к противоположным выводам? Ограничительные меры иностранного государства – это одна из множества потенциальных причин, которые могут встать на пути надлежащего исполнения обязательств в условиях современной международной торговли. В этой связи подход российского права к вопросу о квалификации требований в подобном случае должен быть аналогичным.

49. В противном случае, во-первых, нарушается принцип равенства, который, среди прочего, требует единого подхода правопорядка к однородным явлениям

общественной жизни, если не имеется достаточно серьезных оснований для иного подхода.

50. Во-вторых, противоположный подход подрывает разумные ожидания контрагента, который справедливо полагает, что отношения сторон, вытекающие из договора, будут регулироваться прежде всего согласованными сторонами условиями самого договора, а также положениями иностранного права, выбор которого также был согласован сторонами.

51. Цель неприменения иностранных ограничительных мер, которую в подобных делах преследуют суды, может быть достигнута за счет использования менее интенсивных по своему воздействию на волеизъявление сторон мер.

52. Так, право сторон своим соглашением определить условия, которые будут регулировать их договорные взаимоотношения и, более того, выбрать применимое к их отношениям право, вытекает из базового принципа свободы договора, закрепленного в статьях 1 и 421 ГК РФ.

53. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что из смысла конституционных норм о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, которая ГК РФ провозглашается в числе основных начал гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1). При этом конституционная свобода договора не является абсолютной, не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод (статья 55, часть 1, Конституции РФ) и может быть ограничена федеральным законом, однако лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц (статья 55, часть 3, Конституции РФ)[4].

54. Отказ суда от применения условий договора ввиду квалификации иска как деликтного является ограничением свободы договора по смыслу статьи 55 Конституции РФ.

55. Между тем, полный и неизбирательный отказ от применения условий договора, включая условия о применимом праве, является, очевидно, непропорциональным и несоразмерным ограничением свободы договора.

---

[4] Например: Постановления Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 22 июня 2017 года № 16-П, от 8 июля 2021 года № 33-П и др.

56. Так, для целей предотвращения применения иностранных ограничительных мер представляется достаточным отказать в применении при разрешении спора непосредственно самих иностранных ограничительных мер.

57. По общему правилу, само по себе применение частноправовых положений иностранного права не может повлечь за собой последствий, которые угрожали бы фундаментальным основам российского государства и общества.

58. Так, публичный порядок (статья 1193 ГК РФ) защищает основы правовой системы. Нарушение публичного порядка возникает тогда, когда применение иностранного права приводит к результату, несовместимому с этими основами.

59. При этом самого факта отличия иностранного права от российского недостаточно для вывода о противоречии публичному порядку.

60. Более того, в подавляющем большинстве случаев положения иностранного права, которые стороны наиболее часто предусматривают как применимые к договорным отношениям, основываются на тех же самых общих принципах, что и российское право.

61. Это обусловлено историческим генезисом российского частного права, которое, как на стадии дореволюционного развития, так и на современном этапе реципировало институты французского, германского и английского права.

62. В ситуации, когда, например, ключевые институты российского банкротного права (оспаривание сделок, субординация требований и т.д.) основаны на наработках германского права, а реформа обязательственного права 2015 года ввела в российское законодательство наиболее востребованные на практике институты английского права (indemnity, warranties and representations), трудно говорить, что применение положений иностранного частного права приведет к нарушению российского публичного порядка.

63. Очевидно, что нельзя признать угрозой безопасности или суверенитету применение правовых конструкций, которые соответствуют основополагающим принципам регулирования, закрепленного в самом Гражданском кодексе РФ. Применение схожего правила не может нарушать публичный порядок России, так как оно не противоречит основам ее правовой системы.

64. Дополнительно стоит отметить, что введение ограничительных мер, запрещающих исполнение обязательств, может рассматриваться как вмешательство в чужие

договорные отношения (tortious interference with contract[5]). В этом случае к третьему лицу-интервенту потенциально может быть предъявлен деликтный иск. Однако эту ситуацию необходимо отличать от требований, предъявленных непосредственно к контрагенту по договору.

65. Таким образом, вмешательство ограничительных мер в договорные отношения не переводит иск из одной категории в другую и не должно служить основанием для сплошного и неизбирательного отказа от применения положений договора между сторонами.

С уважением,

А.В. Гребельский [redacted]

25 февраля 2026 года

[5] См, например: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) / ed. by C. von Bar and E. Clive. Munich, 2009. P. 3257–3262; Van Bochove L.M. Betrokkenheid van derden bij contractbreuk. Tortious interference with contractual relations: proefschrift... Oisterwijk: Wolf legal publ., 2013; Carpenter C.E. Interference with Contract Relations // Harvard Law Review. 1928. № 41 (6). P. 728.